

Консервативные преобразования

Политико-экономические аспекты реформ в Беларуси

Вячеслав ЯРОШЕВИЧ,
кандидат
экономических наук

С обретением независимости в Республике Беларусь стали проводиться социально-экономические и политические преобразования, цель которых – построение демократического общества с рыночной экономикой. В отличие от большинства других бывших соцстран, белорусские реформы не были радикальными, что позволило сохранить преемственность с предыдущей социалистической системой организации народного хозяйства. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на социальной структуре современного белорусского общества.

Некотрые из авторов под социальной структурой понимают социально-классовое деление, в основе которого находятся социальные классы – «кумулятивные, нормальные, полузакрытые, но с приближением к открытым, связанные положительной социально-классовой комплиментарностью группы, составленные из кумуляции трех основных группировок: профессиональной, имущественной, объемно-правовой» [1, с. 89]. Однако в познании социальных структур существует и другой подход, который изучает общество как множество определенных страт, или слоев, не обязательно носящих признаки класса. В данном случае социальная структура общества представляет собой целостную совокупность всех существующих в нем элементов и общностей, взятых в их взаимодействии.

С точки зрения политической экономики – науки, изучающей отношения между социальными субъектами по поводу производства, присвоения и потребления ма-

териальных благ [2, с. 634], – первый из рассмотренных подходов более уместен. Классиками политэкономии, в частности К. Марксом, классы рассматривались как основные субъекты указанных отношений. При этом и К. Маркс, и В.И. Ленин считали, что классы проявляются в организованной политической борьбе за свои экономические интересы [3].

Изучение политико-экономических особенностей социальной структуры пост-социалистического общества позволяет персонифицировать движущие силы преобразовательных процессов, то есть определить основных субъектов последних исходя из их социально-экономических интересов. Что дает возможность установить баланс экономических интересов в конкретном социуме и понять, почему в одних странах преобразования носили «шоковый» характер, а в других не могли быть такими; почему в одних странах экономические проблемы начала преобразований удалось решить быстро, а в других они приобрели хронический характер; наконец, почему в одних странах демократический процесс стал основой политической жизни, а в других демократия так и осталась красивым лозунгом. Все это позволяет приблизиться к ответу на вопрос, насколько устойчивой является выбранная в Беларуси модель социально-экономического развития, способствует ли она формированию так называемого «среднего класса», который был бы заинтересован не только в ее сохранении, но и в переходе белорусской социально-экономической модели на качественно новый, инновационный уровень.

Если придерживаться классического подхода к сущности социальной структуры, восходящего к истокам политической экономики, необходимо установить, уместно ли деление современного белорусского общества именно на социальные классы. Ведь класс – это довольно сложная группировка, которая должна отвечать одновремен-

но множеству требований. Представители класса должны не только иметь схожий род занятий, имущественное положение и правовой статус, но и быть связаны положительной комплиментарностью – общей системой ценностей. При этом последняя должна присутствовать скорее на интуитивном, подсознательном уровне, чем быть просто набором официальных идеологических установок. Без такой ценностной связи отдельные элементы, объединенные по формально классовым признакам, могут считаться только классом-слоем [1, с. 89].

Очевидно, что в любом постсоциалистическом обществе сложно установить какие-либо достаточно автономные системы ценностей, вокруг которых можно было бы выделить четко выраженные социальные классы. Преобразования, или трансформация, отличаются отказом от старой, социалистической идеологии и попыткой принятия новой, капиталистической, возможно, в различных вариантах. Высокий уровень идеологизации социалистического общества, с одной стороны, определил устойчивость старой системы ценностей, основанной на идеях социальной справедливости, но, с другой стороны, привел и к побочному эффекту – открытому пренебрежению социалистическими ценностями теми, кто заинтересован, прежде всего, в собственном материальном благополучии и готов согласиться с социальной несправедливостью. Нельзя сказать, что отказ от социалистической системы ценностей оказался повсеместным. Доступные социологические данные об этом не свидетельствуют, но во многих странах он был достаточно распространенным, хотя это и не означа-

ет, что уже сформирована новая идеология и, тем более, что она персонифицирована по классо-подобным группам [4]. Об этом можно судить хотя бы по развитию постсоциалистических партийных систем, ведь политические партии традиционно считались выразителями классовых интересов. Даже в тех странах, которые считаются лидерами преобразований, ведущие политические партии являются массовыми, то есть обращенными ко всем слоям населения с популистскими лозунгами, а не конкретными предложениями по улучшению положения отдельных социальных групп [5; 6].

В Беларуси тем более сложно говорить о существовании таких ценностных систем, которые можно было бы соотнести с классовой комплиментарностью. Во-первых, отказ от социалистической идеологии не был сильно выраженным и не привел к созданию качественно новых, основанных на капиталистических принципах, ценностных подходов [7]. Во-вторых, в стране не получила развития партийная организация политической жизни, которая, с одной стороны, являлась бы отражением новых идеологических водоразделов, а с другой – могла бы способствовать их институционализации. Тем более невозможно говорить о какой-либо организованной политической борьбе в республике, которая могла бы обнаружить контрастные ценностные системы. Иными словами, в современный период для существования положительной классовой комплиментарности в Беларуси, очевидно, нет объективных оснований.

Придерживаясь классического подхода к понятию социальной структуры, можно попытаться выделить хотя бы следующие за социальными классами элементы – класс-слои. Но и тут возникают методологические сложности, обусловленные спецификой постсоциалистических преобразований. По определению, класс-слой должен объединять людей, схожих сразу по трем признакам – профессиональному, имущественному и объемно-правовому. Если по профессиональному признаку национальная статистика позволяет сделать вычленение без особых проблем, то с имущественным признаком ситуация несколько иная – неизбежно возникает вопрос, какое имущество и как учитывать при анализе. Схожая проблема и с

ОБ АВТОРЕ

ЯРОШЕВИЧ Вячеслав Иванович.

Родился в 1979 году в Молодечно. В 2001 году окончил факультет международных отношений Белорусского государственного университета. В 2001–2002 годах проходил обучение и защитил магистерскую диссертацию в магистратуре Сассекского университета, г. Брайтон. С 2002 по 2006 год обучался в докторантуре Кингстонского университета, г. Лондон. С 2006 года – преподаватель, с 2008 года – доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений БГУ.

Кандидат экономических наук (2008).

Автор около 10 научных публикаций.

Сфера научных интересов: политэкономика постсоциалистических преобразований, экономическая политика, социальная политика, международные экономические отношения.

объемно-правовым признаком – ведь по действующей Конституции Республики Беларусь все взрослые граждане страны, за исключением отбывающих наказание преступников, наделены приблизительно одинаковыми правами, в реализации которых они также имеют приблизительно равные возможности (несмотря на распространенность иных, в основном политически предвзятых мнений). Таким образом, попытка проанализировать социальную структуру современного белорусского общества с позиции классической политэкономии связана с серьезными методологическими проблемами, решение которых требует специальных научных изысканий.

Можно предположить, что при анализе социальной структуры современного общества в первую очередь необходимо учитывать те факторы, которые являются наиболее существенными при определении положения субъектов в системе политико-экономических отношений. Развитие коммуникационных технологий снизило индивидуальные потребности к объединению в какие-либо группы, которые могли бы отстаивать свои интересы в ущерб другим группам. С другой стороны, резко возросла роль образования, при этом не просто как набора каких-то знаний, а как способности к адекватной, отвечающей индивидуальным потребностям, оценке постоянно возрастающего объема информации различного рода. При этом сам образовательный процесс, в случае его институционализации в рамках учебных заведений, определяет не только индивидуальные познавательные способности, но и степень накопления социального капитала. По определению белорусского исследователя С.Ю. Солодовникова, социальный капитал – это «суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена, и позволяющих получить реальную социально-экономическую выгоду» [1, с. 275]. Таким образом, очевидно, что образование необходимо рассматривать как важнейший критерий при анализе социальной структуры современного общества, в том числе белорусского. По мере развития обществен-

ных отношений доступ к образованию становится универсальным, то есть не зависящим от каких-либо имущественных или сословных факторов. При этом в развитом современном обществе индивидуальный образовательный успех физически здорового человека не может быть ограничен какими-либо внешними причинами. В свою очередь, именно данный успех в наибольшей степени определяет как окончательный профессиональный выбор, так и имущественный и объемно-правовой статус конкретного человека.

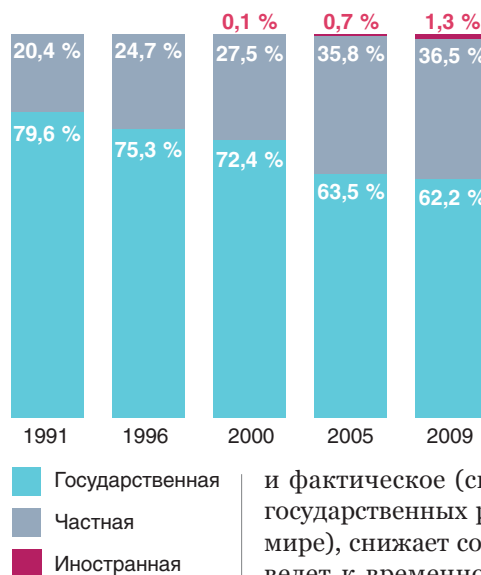
Необходимо также отметить, что образование способно оказывать наиболее интенсивное воздействие на динамику социальной структуры – изменение соотношения различных ее элементов. В качестве примера можно обратиться к ранней советской истории, когда была развернута широкомасштабная кампания по ликвидации безграмотности, которая очевидно помогла рабочему классу утвердить свое

доминирующее положение в обществе, полученное в результате Великой Октябрьской социалистической революции, на несколько поколений вперед. С другой стороны, ограничение доступа к образованию, как формальное (например, через введение института жречества в древнем мире), так

и фактическое (скажем, через снижение государственных расходов в современном мире), снижает социальную мобильность, ведет к временному застою социальной структуры и порождает основания для социального взрыва в виде революций. В свою очередь, в период постсоциалистических преобразований поддержание высокого образовательного уровня населения, очевидно, снижает возможности для радикальных реформ, так как человек, постоянно повышающий свой образовательный уровень, неизбежно ставит под сомнение любые лозунги и, как следствие, менее склонен к резким политэкономическим изменениям.

Рисунок 1. Основные средства по формам собственности в Республике Беларусь, 1991–2009 годы

Источник: Разработано автором на основе [11].

Из вышесказанного можно заключить, что политико-экономическое значение образования в современном обществе сложно переоценить. При этом не следует преуменьшать значения и других факторов, непосредственно или косвенно влияющих на социальную структуру. Безусловно, крайне важной в данной связи является собственность, но не просто на имущество, а на средства производства, которые наиболее актуальны в политико-экономических отношениях. Владение средствами производства позволяет одним субъектам реализовывать свои интересы независимо от воли и желания других субъектов. В современном обществе это происходит через наем рабочей силы собственниками в рамках институционализированных трудовых отношений. При этом собственниками могут быть как отдельные частные лица (унитарная частная собственность), так и их группы (коллективная, или публичная собственность), а также государство (государственная собственность).

По поводу форм собственности в бывших соцстранах до сих пор продолжают оживленные дискуссии, суть которых сводится к критике государственной и пропаганде частной собственности в том, что касается экономической эффективности, то есть способности использовать ограниченные ресурсы с наибольшей производительностью [8; 9; 10]. Не вдаваясь в подробности данной дискуссии, следует отметить, что в рамках данного исследования собственность представляет интерес только с точки зрения ее воздействия на социальную структуру. Таким образом, изменение отношений собственности в ходе преобразований, которое происходит в форме приватизации, ведет к изменению соотношения субъектов в конкретной социальной структуре.

В отличие от большинства постсоциалистических стран, приватизация в Беларуси не форсировалась, а государство сохранило за собой статус крупнейшего собственника средств производства в стране (см. рис. 1).

И хотя некоторые исследователи видят в этом определенные политикоэкономические риски, считая, что государственные управленцы могут превратиться в социальный класс с монопольными интересами, демократическая организация политической си-

стемы белорусского общества должна обеспечить справедливость как в управлении, так и в распределении прибыли от использования государственной собственности. В связи с этим важно осознавать принципиальное политикоэкономическое различие между частной и государственной собственностью в специфическом постсоциалистическом контексте. Частный собственник, ставший владельцем (но не обязательно хозяином) бывшей госсобственности, заинтересован, прежде всего, в извлечении максимальной прибыли для нужд собственного потребления и не обязан добровольным образом стеснять себя социальными ограничениями, например, сохраняя рабочие места, социальные объекты и т.п. В отличие от него государство (а речь идет именно о демократическом государстве,

каким является Республика Беларусь), сохраняя собственность на средства производства, делает это не только для извлечения прибыли, которую оно по закону должно использовать справедливо на благо всего общества, но и для обеспечения политической поддержки со стороны тех людей, которые сохраняют таким образом свои рабочие места.

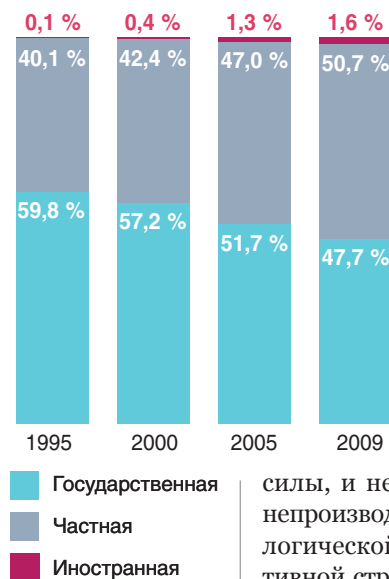
Общезвестно, что приватизация сопровождается массовым сокращением рабочей

силы, и не всегда потому, что последняя непроизводительна, а часто в связи с технологической модернизацией или корпоративной стратегией (хотя могут иметь место и просто спекулятивные или преступные мотивы). Хрестоматийный пример – приватизация крупнейшего электротехнического предприятия Венгрии «Тунгсрам». При подготовке его к продаже иностранному инвестору занятость уже была сокращена наполовину – с 35 до 17,6 тыс. Новый собственник, американская корпорация «Дженерал Электрик», практически сразу уменьшил число работников еще вдвое до 9,5 тыс. Все это произошло в течение нескольких лет в начале 1990-х годов [12].

Следовательно, исследуя политикоэкономические особенности структуры современного белорусского общества, основное внимание нужно уделять не только

Рисунок 2.
Распределение численности занятого населения по формам собственности в Республике Беларусь, 1995–2009 годы

Источник:
Разработано автором на основе [11].

Государственная
Частная
Иностранная

профессиональной принадлежности, но и образовательному уровню, и отношению к собственности на средства производства. Все эти признаки поддаются эмпирической оценке, что очевидно повышает ценность выводов, которые могут быть получены при их анализе. При этом политэкономическая направленность такого анализа определяет в качестве объекта исследования весь потенциальный электорат, т.е. занятое население в трудоспособном возрасте, а также безработных и лиц старше трудоспособного возраста (экономически неактивное население не поддается качественной оценке из-за отсутствия соответствующих официальных данных).

Данные белорусской статистики свидетельствуют, что в стране доли государственного и частного сектора в структуре занятости приблизительно одинаковы (см. рис. 2).

Однако следует учесть, что понятие «частный» в Беларуси несколько отличается от общепринятого, так как «частными» считаются как изначально частные предприятия, так и те, которые были созданы в

Таблица 1.
Социальная структура белорусского общества по критерию профессионально-отраслевой принадлежности

Источник:
Разработано автором на основе [14; 15; 16].

	1990	1995	2000	2005	2008
%					
Всего занятых в экономике	100	100	100	100	100
Рабочие	–	67,8	63,6	60,7	60,2
Служащие	–	32,2	36,4	39,3	39,8
Специалисты	–	22,7	24,7	26,0	26,7
Руководители	–	6,9	8,4	10,0	9,6
Тыс. чел.					
Всего занятых в экономике	5150,8	4409,6	4441,0	4349,8	4594,4
Промышленность	1592,9	1216,2	1226,7	1163,0	1222,4
Сельское и лесное хозяйство	1007,2	869,5	657,6	490,6	435,1
Услуги	2550,7	2323,9	2556,7	2696,2	2936,9
Управление	73,9	100,4	136,6	139,9	140,8
СПРАВОЧНО					
	2003		2007		
Рабочие, занятые в:	Тыс. чел.		100%		
сфере услуг	1143,3	1219,5	47,5	49,8	
промышленности	840,4	847,6	34,9	34,6	
сельском и лесном хозяйстве	422,3	383,1	17,6	15,6	
Служащие, занятые в:	Тыс. чел.		100%		
сфере услуг	1024,8	1147,4	74,5	74,9	
промышленности	257,5	289,3	18,7	18,9	
сельском и лесном хозяйстве	92,9	94,4	6,8	6,2	

результате разгосударствления, вне зависимости от того, какая доля акционерного капитала осталась под контролем государства. По оценке некоторых международных организаций, специализирующихся на бывших соцстранах, доля чистой частной собственности в республике составляет около 30 %, и с этим можно согласиться, учитывая относительную неразвитость малого предпринимательства, с одной стороны, и официальную статистику по распределению основных средств – с другой (см. рис. 1) [13].

Таким образом, по критерию собственности в социальной структуре белорусского общества преобладают не собственники, но если учесть, что свыше двух третей основных средств в стране принадлежит государству, то есть опосредованно всему белорусскому народу, то такая оценка будет в какой-то мере условной.

По критерию профессионально-отраслевой принадлежности социальная структура белорусского общества отличается преобладанием рабочих, занятых главным образом в сфере услуг, промышленности и сельском хозяйстве. Служащим является почти каждый третий, занятый в экономике, главным образом в сфере услуг. При этом среди служащих наибольшая доля приходится на специалистов, а руководителем является каждый четвертый (каждый десятый от всех занятых). В сфере государственного управления занято около 140 тыс. человек, руководителями из которых являются порядка 40 тыс., что составляет менее одного процента от всех занятых в экономике. Нельзя, однако, не отметить тот факт, что за первые десять лет независимой Беларуси количество занятых в сфере управления почти удвоилось, тогда как в сфере услуг оно практически не изменилось, в промышленности – сократилось на четверть, а в сельском и лесном хозяйстве – более чем на треть (см. табл. 1).

Наконец, что касается образовательного статуса, доступные статистические данные показывают, что среди всех занятых в экономике высшее образование имеют почти 22 %, среднее специальное (эквивалент колледжа в западных странах) – еще 21 %, остальные имеют образование не ниже базового (9 классов общеобразовательной школы). В историческом контексте это означает, что доля занятых с высшим

Год	Всего занятых в экономике		С высшим образованием		Со средним специальным образованием	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
1940	1041,0	100	27,7	2,7	–	–
1960	1887,0	100	110,2	5,8	166,0	8,8
1970	3075,0	100	235,3	7,7	341,9	11,1
1980	4030,0	100	455,0	11,3	601,0	14,9
1990	5150,8	100	657,0	12,8	818,0	15,9
1995	4409,6	100	641,1	14,5	819,0	18,6
2000	4441,0	100	775,0	17,5	920,5	20,7
2005	4349,8	100	913,1	21,0	909,2	20,9
2007	4505,0	100	977,6	21,7	923,5	20,5
2008	4594,4	100	1093,5	23,8	1042,9	22,7

и средним специальным образованием за последние двадцать лет увеличилась в полтора раза, за последние 50 лет – почти в три раза (см. табл. 2).

При этом в республике постоянно растет число лиц, получающих высшее образование, в основном в государственных учебных заведениях (см. рис. 3). Все это свидетельствует, с одной стороны, о доступности высшего образования, а с другой – о возможном изменении профессиональной структуры в среднесрочной перспективе в сторону дальнейшего увеличения доли служащих в секторе услуг. Данное изменение может также способствовать и качественной трансформации всей социальной структуры белорусского общества, так как увеличение занятых с высшей и средней специальной квалификацией неизбежно приведет к росту доли социальных групп с более высокими доходами и более совершенными способностями реализовывать свои гражданские права, в том числе и в сфере отношений собственности.

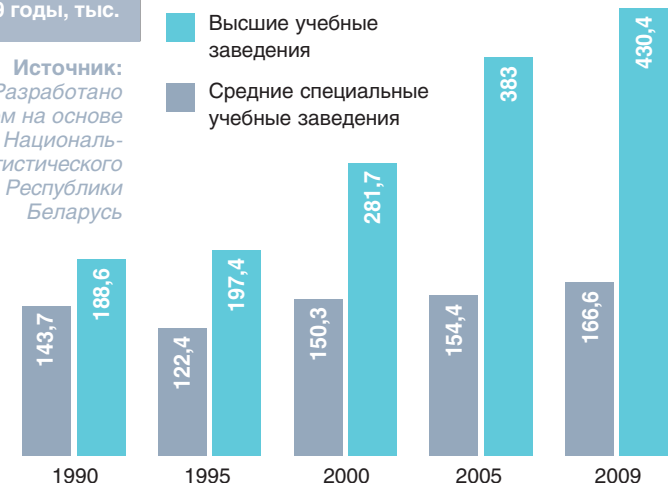
Таким образом, изучение данных, характеризующих социальную структуру белорусского общества, дает возможность предположить, что основными социальными группами в стране являются несобственники, занятые в государственном секторе и имеющие достаточно высокий образовательный уровень и профессиональную квалификацию. При этом на стабильно высоком уровне остается и доля тех, кто занят в промышленности и сельском хозяйстве. Если прибегнуть к персонификации обозначенных социальных групп, то наиболее массовыми являются группы промышленных рабочих и служащих – около 1 млн. человек

Таблица 2.
Социальная структура белорусского общества по критерию образовательного статуса

Источник:
Разработано автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Рисунок 3. Численность учащихся высших и средних специальных учебных заведений в Республике Беларусь, 1990–2009 годы, тыс.

Источник:
Разработано автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

(75 % рабочие) и сельскохозяйственных рабочих – около 0,5 млн. (85 % рабочие). Но даже взятые вместе эти две группы менее многочисленны, чем группа пенсионеров, насчитывающая 2,6 млн. человек, абсолютное большинство которых не работают и получают пенсию по возрасту (см. рис. 4).

В силу чрезвычайно низкой официальной безработицы в стране группа безработных не многочисленна – на начало 2010 года в Беларуси было зарегистрировано только 42,5 тыс. безработных (уровень безработицы – 0,9 %) [18].

Итак, политико-экономический анализ социальной структуры Республики Беларусь позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, очевидное отсутствие четких идеологических водоразделов не позволяет говорить о наличии социальных классов в стране в их классическом понимании. Во-вторых, в современных условиях, отличающихся чрезвычайно высоким социальным динамизмом, критериями для определения элементов социальной структуры могут быть не только профессиональные и объемно-правовые признаки, но и образовательный статус. При этом практически невозможно однозначным образом ранжировать данные критерии с точки зрения их относительной значимости. В-третьих, можно утверждать, что социальная структура современного белорусского общества отличается от подобных структур западных стран тем, что в ней сложно выделить «средний класс», так как большинство населения обладает приблизительно одинаковыми политико-экономическими признаками – относительно высоким профессионально-

образовательным и относительно низким объемно-правовым статусом (в том, что касается права собственности на средства производства).

Очевидно, что наиболее многочисленные и, следовательно, политически значимые социальные группы в Беларуси не заинтересованы в «шоковых» нелиберальных реформах, которые были навязаны большинству бывших соцстран и настоятельно рекомендуются Беларуси в настоящее время со стороны МВФ, Всемирного банка и других западных финансовых организаций. В результате таких реформ

они могут потерять свои рабочие места и пенсии, не приобретя взамен ничего, кроме обещаний. Об этом можно судить по тем исследованиям, которые были проведены в середине 2000-х годов для оценки результатов первого десятилетия постсоциалистических преобразований [19; 20]. С учетом кризисных процессов в мировой экономике тем более сложно предположить, что белорусские власти пойдут на пересмотр своих политико-экономических установок в отношении основных социальных групп и станут проводить радикальные социально-экономические реформы в неолиберальном духе. Это позволяет утверждать, что социальная структура белорусского общества в достаточной мере консервативна, чтобы быть совместимой с резкими социально-экономическими изменениями, характерными для большинства бывших социалистических стран. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодовников, С.Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск: Беларуская навука, 2009. – 303 с.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФПЦ, 2002. – 1008 с.
3. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.esperanto-tv.pp.ru/Marksismo/Misere/index.html>. – Дата доступа: 11.03.10.
4. Eurobarometer. Survey data conducted on behalf of the Directorate-General for Audiovisual, Information, Communication, Culture of the Commission of the European Communities for 1990-2001 [Electronic resource] // German Social Science Infrastructure Services. – Mode of access: http://www.gesis.org/en/data_service/eurobarometer/. – Date of access: 14.09.2004.
5. Lewis, P. Political parties in post-communist Eastern Europe / P. Lewis. – London: Routledge, 2000.
6. Centre-right parties in post-communist East-Central Europe / ed. by S. Hanley and A.Szczerbiak. – London: Routledge, 2004.
7. Лукашенко, А.Г. Доклад на семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы. 2003 г. / А.Г. Лукашенко / Офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/print/rus/president/speech/2003/seminar/sem2.html>. – Дата доступа: 23.09.2004.
8. Куликов, В. Приватизация: ретровзгляд (к 15-летию радикальных преобразований отношений собственности в России) / В. Куликов // Российский экономический журнал. – 2007. – № 5/6. – С. 3–11.
9. Пелих, С. Приватизация государственных банков в условиях переходной экономики / С. Пелих, М. Анисеев // Банковский вестник. – 2008. – № 31 (432). – С. 28–35.
10. Havrylyshyn, O., McGettigan, D. Privatization in Transition Countries: A Sampling of the Literature / O. Havrylyshyn, D. McGettigan. – Washington (DC): IMF, 1999. – 16 p.
11. Статистический ежегодник, Республика Беларусь, 2009 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.
12. Martin, B., The Social and Employment Consequences of Privatization in Transition Economies: Evidence and Guidelines [Electronic resource] // Working Paper IPPRED-4. Geneva: International Labour Organisation, 2000. – Mode of access: <http://www.ilo.org/public/english/employment/ent/papers/ippred4.htm>. – Date of access: 23.09.2004.
13. Данные о Беларуси [Электронный ресурс] / Европейский банк реконструкции и развития. – Режим доступа: <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/stats/belarus.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2010.
14. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2004. – 408 с.
15. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2006. – 375 с.
16. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2008. – 375 с.
17. Численность пенсионеров // Статистика Беларуси. – № 4. – 2009. – С. 48.
18. Занятость населения и безработица [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2010_1/pril/7.pdf. – Дата доступа: 11.03.10.
19. Ярошевич, В.И. Критический анализ неолиберальных реформ в бывших социалистических странах / В.И. Ярошевич // Белорусский экономический журнал. – 2007. – № 2. – С. 17–38.
20. Transition: The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. – Washington, D.C.: World Bank, 2002.